

Ганс Христиан Андерсен

Лучшим сказочником единодушно считается датчанин Ганс Христиан Андерсен.

Сын бедного сапожника, увидевший свет в маленьком домике под черепичной крышей в городе Оденсе, что на острове Фюн, рано почувствовал влечение, весьма далекое от той скромной роли, которая предназначалась ему в жизни: наследовать дело своего отца. Его мечтательную душу околдовал театр. Четырнадцатилетним подростком отправился Ганс Христиан в Копенгаген, чтобы стать актером. На сцену он не попал, но его наивные драматургические опыты привлекли внимание дирекции. Да будут благословенны эти проницательные люди, разглядевшие следы таланта в ребяческой пачкотне. Андерсен получил стипендию и право бесплатного обучения в латинской школе. Еще в студенческие годы он пишет смешную и щедрую на выдумки книгу «Путешествие пешком от Хольмен-канала до восточного мыса Амагера». Здесь легко обнаружить те зернышки, из которых впоследствии произрастут золотые колосья его сказок. Но сейчас юного автора влечет «даль свободного романа». Словно подтверждая известные слова Тургенева, произнесенные много позже, что до тридцати лет нельзя написать хорошей прозы, Андерсен лишь — и сразу — за порогом тридцати позволяет себе стать тем, кем он был на самом деле. Словно из рога изобилия посыпались «Огниво», «Волшебный холм», «Принцесса на горошине», «Русалочка» и другие шедевры, составившие три тома «Сказок, рассказанных для детей».

Андерсен всегда любил и знал народную сказку, на этой доброй почве расцвел его большой талант, и все же нельзя согласиться с теми, кто сводит творчество Андерсена лишь к фольклорной традиции, равно сомнительно зачисление всей его «малой» прозы по департаменту сказки. Неоспорима связь с фольклором «Новых сказок», но в дальнейшем эта связь резко ослабляется без ущерба для художественных целей писателя, а там и вовсе становится неощутимой. Он расстаётся с волшебниками, феями, королевами воображаемых стран, нежитью лесов и вод, его притягивает окружающее, люди из плоти и крови, с их тревогами, радостями, бедами, с их достоинствами и несовершенствами, с их трудной судьбой. Он так говорил об этом: «Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь». Долгое время удивительно впору был ему яркий костюм сказочника, но когда он почувствовал, что сюртук жмет в проймах, пуговицы не застегиваются, а панталоны предательски трещат при наклоне, то понял, что вырос из этой одежды, и спокойно повесил ее в шкаф. Он расстался со сказочной бутафорией и неизменно счастливыми концовками. Впрочем, этому золотому правилу детской сказки он изменил еще в «Русалочке». Тем самым он перестал адресоваться напрямую к детям, не исключая их, разумеется, из числа своих читателей. Он давно хотел говорить с печальными взрослыми людьми. Андерсен писал прозаические басни, аллегории, короткие новеллы, просто рассказы, в которых порой и сохранялся сказочный тон, но ничего другого от сказки не было. Да ведь и называл он свои поздние писания не сказками, а историями.

Он довел до виртуозности умение сочетать два плана — волшебный и житейский. В сказочный сюжет «Русалочки» он непринужденно вводит бытовые подробности, порой юмористические — почетные устрицы на хвосте знатной водоплавающей тетушки русалки. Поэтический строй этой песни любви ничуть не снижается, но для читателя вымысел обретает черты реальности, а неземная любовь русалочки к принцу — терпкий вкус родственной человеческой муки. И наоборот: он умеет в тусклой обыденности окружающих нас предметов домашнего обихода открыть чудесное, извлечь поэтический смысл из какой-нибудь штопальной иглы или

старого крахмального воротничка. Чаще всего Андерсен пользуется этим приемом для целей сатирических: очеловечивая неодушевленные предметы, он высмеивает и осуждает не их безвинную суть, а людские пороки: чванство, хвастливость, корысть, суетность. Но бывает, что тот же прием используется для возвеличивания наиболее ценимых им в человеке свойств: стойкости, мужества, верности, общественной полезности.

Мне думается, нет нужды насильственно привязывать Андерсена к волшебному дереву сказки. Как писатель и человек он рос, развивался, менялся, старел, опечаливался, утрачивал безграничную веру в способности нашего грешного мира к чудесному превращению в райский сад, стоит только его обитателям сильно этого захотеть. Природа человека оказалась куда более косной, нежели ему рисовалось в юности, и феи бессильны в тяжелом земном царстве.

Над человеком надо много трудиться, «чтобы он стал тем, кто он есть», как замечательно сказал один французский мудрец. Для этого мало высмеивать людские заблуждения, нужно неустанно напоминать о вечности маленькому, жадному, рассеянному и глупому существу, слишком много о себе возомнившему. И Андерсен не устает это делать, его позднее творчество окрашено иронией, сарказмом, печалью и горечью, он вовсе не так добр и снисходителен, как в своих ранних сказках, когда сердце было полно веры и надежд. Но может быть, это и есть высшая доброта: говорить жестокую правду тем, кого любишь?

Но вернемся к доброму, улыбчивому Андерсену детских сказок. Ведь и тогда его нравственный кодекс был весьма суров. Он всегда строго спрашивал с человека. Очень редко Андерсен просто резвился, как в «Волшебном холме». Лишь изощренный фанатик морали сможет отыскать назидание в прелестной и причудливейшей истории о том, как старый норвежский тролль с сыновьями-оболтусами гостевал у датского лесного царя. И хотя за троллями, лесовиками, водяными, мертвой лошады и кладбищенской свиньей угадываются обычные люди с их вполне человеческими слабостями и ухватками, это ничего не меняет, ибо никаких выводов тут при всем желании не сделаешь. Сказка вполне бесцельна и тем очаровательна. Это самая любимая детьми сказка, наверное, в силу того, что она ровным счетом ничему не учит, но содержит какой-то нужный для растущего организма витамин.

Но и прямой, ясный вывод из рассказанного — мораль ничуть не вредит сказке, если не пристегивается к ней, а естественно вытекает из всего ее поэтического строя. Чарующий «Соловей», едва ли не вершина творчества Андерсена, откровенно нравоучителен. Прослышал китайский император, что в саду у него поет дивная птица соловей, и велел доставить во дворец. Пение соловья настолько очаровало императора и его двор, что все простили птичке ее невзрачную серенькую наружность. Но тут император Японии прислал искусственного соловья, певшего всего одну песню, зато усыпанного драгоценными камнями. Настоящему соловью дали отставку, а всеобщей любимицей стала блестящая заводная игрушка. Не беда, что в мертвом горле звучит одна и та же песня, — кому нужно при дворе истинное искусство? Ан, нужно! Император заболел, явилась смерть и села ему на грудь. Лишенный атрибутов власти, — смерть забрала его корону и саблю, — всеми покинутый, умирающий император тщетно просил механическую птицу скрасить ему уход. Но та не умела петь сама, без завода. По счастью, прилетел настоящий соловей и силой своего дивного голоса прогнал смерть, вернул императору корону и саблю. Спасительно и животворно лишь настоящее искусство. Тема животворной силы истинного искусства, противостоящего мертвенной бесцельности подделок, волновала многих писателей, но никто не разрешил ее так блистательно, как Ганс Христиан Андерсен, а главное, такими скупыми средствами: на пространстве нескольких страничек. Это — литературное чудо, и таких чудес немало у датского кудесника: «Снежная королева», «Стойкий оловянный солдатик», «Новое платье короля», «Дикие лебеди», «Гадкий утенок», «Свинопас», «Калоши счастья», «Русалочка», «Принцесса на горошине», «Бузинная матушка», — всего не перечислишь. Многие названия давно уже стали нарицательными. Не надо долго разглагольствовать о девушке-ломаке, достаточно сказать: «принцесса на горошине», а для верного, мужественного человека нет выше похвалы, чем «стойкий оловянный солдатик»...